

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТАХ

Расулжонова Мохинур

Студент магистратуры Университета мировой экономики и дипломатии

Аннотация: *современные вооружённые конфликты характеризуются усложнением структуры и изменением природы ведения боевых действий. Традиционные нормы международного гуманитарного права (МГП), закреплённые в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах, сталкиваются с вызовами, связанными с трансформацией характера войн, вовлечением негосударственных акторов, развитием технологий и кризисом универсальности международных норм. В статье рассматриваются ключевые современные вызовы МГП, анализируется их влияние на эффективность регулирования вооружённых конфликтов, а также предлагаются направления модернизации правового регулирования.*

Ключевые слова: *международное гуманитарное право, вооружённые конфликты, кибервойна, автономные вооружения.*

Введение

Международное гуманитарное право (МГП) представляет собой совокупность международно-правовых норм, направленных на ограничение последствий вооружённых конфликтов. Оно регулирует средства и методы ведения войны, а также обеспечивает защиту лиц, не принимающих или прекративших участие в боевых действиях. Основу современного МГП составляют четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и два

Дополнительных протокола к ним 1977 года, которые кодифицировали гуманитарные нормы и придали им универсальный характер.¹

В исследовании применены историко-правовой метод (для выявления эволюции норм МГП), сравнительно-правовой метод (для сопоставления практики их применения в различных конфликтах), метод кейс-стади (на примере вооружённого конфликта в Сирии), системный метод (для выявления взаимосвязи МГП с международным правом прав человека) и прогностический метод (для определения возможных направлений развития МГП).

Однако с момента их принятия характер вооружённых конфликтов претерпел существенные изменения. Если в середине XX века преобладали межгосударственные войны, то в XXI веке доминируют конфликты внутригосударственного и смешанного характера, где стороны зачастую включают негосударственные вооружённые формирования, повстанческие движения, террористические организации и частные военные компании. Эти участники не всегда связаны международными договорами и не обладают равным международно-правовым статусом, что приводит к правовому вакууму и затрудняет применение традиционных норм МГП.

Дополнительным фактором трансформации стало усиление транснационального измерения локальных конфликтов: внутренние войны нередко вовлекают внешние государства через прямое военное вмешательство, прокси-участие или поставки вооружений. Это размывает границы между внутренними и международными вооружёнными конфликтами, усложняя правовую квалификацию ситуации.

¹ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. — Женева: МККК, 1977.

Кроме того, бурное развитие технологий изменило не только средства ведения войны, но и её пространство. Появление киберопераций, использование беспилотных летательных аппаратов и автономных систем вооружений поставили под сомнение способность традиционных норм МГП — прежде всего принципов различия и соразмерности — обеспечивать достаточную защиту гражданского населения. Классические нормы, разработанные в эпоху «традиционной» войны, не всегда могут быть автоматически применены к кибератакам на объекты инфраструктуры, которые одновременно обслуживают военные и гражданские нужды, или к ударам дронов, совершаемых на значительном расстоянии от зоны боевых действий.

Таким образом, современная эволюция вооружённых конфликтов обнаруживает системный вызов международному гуманитарному праву: с одной стороны, его фундаментальные принципы (гуманность, различие, соразмерность, военная необходимость) сохраняют универсальное значение; с другой стороны — практика их реализации сталкивается с трудностями, вызванными изменением структуры участников конфликтов и появлением новых форм ведения войны. Это обстоятельство подтверждает необходимость переосмысления и адаптации МГП к реалиям XXI века.

Современные войны редко имеют классический межгосударственный характер, предполагающий вооружённое противостояние между двумя или более государствами, обладающими международной правосубъектностью. Значительная часть современных конфликтов протекает в форме немеждународных вооружённых конфликтов, что подтверждается ситуациями в Афганистане, Сирии, Йемене, Ливии. В таких случаях на

территории одного государства действуют вооружённые формирования, обладающие значительной степенью организованности, но не являющиеся официальными государственными структурами.

Особое значение приобретают так называемые гибридные конфликты, которые совмещают в себе признаки межгосударственного и немеждународного вооружённого противостояния. Примером является ситуация на востоке Украины после 2014 г., где внутреннее противостояние сопровождалось иностранным военным вмешательством и транснациональной поддержкой вооружённых формирований. Данный феномен осложняет применение норм МГП: Женевские конвенции и Дополнительные протоколы предусматривают разделение вооружённых конфликтов на международные и немеждународные, однако современная практика демонстрирует многочисленные «пограничные» ситуации, не укладывающиеся в данное бинарное деление. В результате возникает правовая неопределённость: к каким нормам отнести конфликт, какие категории лиц подлежат защите и в какой мере государство несёт международно-правовую ответственность.

В XXI веке заметно усилилось влияние негосударственных акторов: повстанческих движений, вооружённых оппозиционных группировок, террористических организаций, а также частных военных и охранных компаний (ЧВК). Их участие в войнах ставит целый ряд проблем. Государства связаны международными конвенциями, но вооружённые группировки формально не являются их участниками. Принятие Женевских конвенций не влечёт юридического признания обязанностей для

негосударственных субъектов, хотя фактически они ведут боевые действия и могут нарушать гуманитарные нормы.

Сложно привлечь лидеров вооружённых формирований к международной ответственности, если они не признаются официальными субъектами международного права. Судебная практика международных трибуналов (например, по бывшей Югославии и Руанде) показывает, что такая ответственность возможна, но остаётся выборочной и политически зависимой. Частные военные компании. Расширение их участия в современных конфликтах (Ирак, Афганистан, Сирия) поднимает вопрос о соотношении между коммерческой деятельностью и обязанностью соблюдать МГП. В отличие от регулярных армий, ЧВК зачастую действуют вне строгой системы военной дисциплины, что создаёт условия для злоупотреблений.

Таким образом, формируется правовой вакуум, где нормы МГП формально существуют, но их применение к негосударственным субъектам носит ограниченный и фрагментарный характер.

Развитие науки и техники внесло в военные конфликты качественно новые элементы, как беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Они позволяют наносить точечные удары, но часто применяются в густонаселённых районах, что повышает риск несоразмерных потерь среди гражданских. Кроме того, дистанционное ведение боевых действий снижает уровень персональной ответственности командира и исполнителя. Автономные системы вооружений, использование искусственного интеллекта в оружии создаёт дилемму: кто несёт ответственность за ущерб — разработчик, оператор или государство? Принцип различия (distinction)

и принцип соразмерности (proportionality), закреплённые в МПП, трудно применимы к автономным алгоритмам.

Атаки на объекты критической инфраструктуры (электросети, медицинские учреждения, водоснабжение) могут иметь катастрофические последствия для гражданского населения, но не всегда подпадают под определение «военного нападения». Международное право пока не содержит общепризнанных норм регулирования киберопераций, что делает эту сферу одной из самых уязвимых.

Несмотря на наличие универсальных норм, практика современных конфликтов свидетельствует о систематических нарушениях МПП. Бомбардировки гражданских объектов, конфликты в Сирии и Йемене показали, что удары по жилым кварталам, школам, больницам остаются распространённой практикой. Блокирование гуманитарных коридоров, где доступ гуманитарной помощи часто используется как инструмент давления на противника, что прямо нарушает запрет использовать голод гражданского населения в качестве метода ведения войны (ст. 54 Дополнительного протокола I).² Нарушения гуманитарных норм приводят к масштабным гуманитарным кризисам и вынужденным миграциям, что создаёт дополнительную нагрузку на международное сообщество и систему защиты прав человека.

Проблема заключается в том, что механизмы ответственности носят фрагментарный характер. Международный уголовный суд, трибуналы ad hoc и санкционные механизмы Совета Безопасности ООН действуют выборочно и зависят от политической воли государств. В результате гуманитарные

² Дополнительный протокол к Женевской конвенции, к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I).

нарушения часто остаются безнаказанными, что подрывает саму идею универсальности МГП.

Сирийский конфликт стал примером того, как существующие нормы МГП сталкиваются с вызовами XXI века. Участие множества субъектов (государственные силы, оппозиционные группировки, террористические организации) сделало невозможным чёткое применение правил МГП. Массовые атаки на гражданскую инфраструктуру, применение химического оружия и гуманитарные блокады продемонстрировали ограниченность существующих механизмов контроля.³

Одной из ключевых проблем современного международного гуманитарного права является невозможность эффективно привлекать к ответственности негосударственных субъектов. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы связывают государства, которые являются их участниками, но вооружённые группировки, повстанческие движения или террористические организации формально не имеют договорных обязательств. На практике это означает, что значительная часть нарушений гуманитарных норм совершается именно теми субъектами, которые не включены в международно-правовую систему. Международный уголовный суд (МУС) обладает мандатом рассматривать преступления, совершённые как государственными, так и негосударственными субъектами, но его юрисдикция ограничена только государствами — участниками Римского статута либо ситуациями, переданными Советом Безопасности ООН. В результате многие конфликты (например, в Сирии) фактически остаются за пределами юрисдикции МУС.

³ Benvenisti E. Collective Responsibility in International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2020.
SJIF: 5.051

Развитие технологий порождает принципиально новые вызовы для МГП. В частности, в сфере киберопераций отсутствует международный консенсус о том, можно ли их квалифицировать как «нападение» в смысле Женевских конвенций. Атака на энергетическую систему государства может вызвать массовые жертвы среди гражданского населения, но юридическая база для признания такой атаки военным преступлением остаётся неясной. Аналогичная ситуация складывается с использованием автономных систем вооружений. Принцип различия, являющийся краеугольным камнем МГП, оказывается трудно применимым, если решение о поражении цели принимает алгоритм, а не человек.

Предлагаемыми решениями для рассмотрения являются составление и подписание специального международного договора об автономных вооружениях и кибероперациях целью которого является закрытие нормативных пробелов, закрепив принцип «человеческого контроля» над применением смертоносной силы и применимость базовых принципов МГП (различение, соразмерность, предосторожность) к кибероперациям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. — Женева: МККК, 1977.
2. Дополнительный протокол к Женевской конвенции, к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

3. Benvenisti E. Collective Responsibility in International Law. —
Oxford: Oxford University Press, 2020.